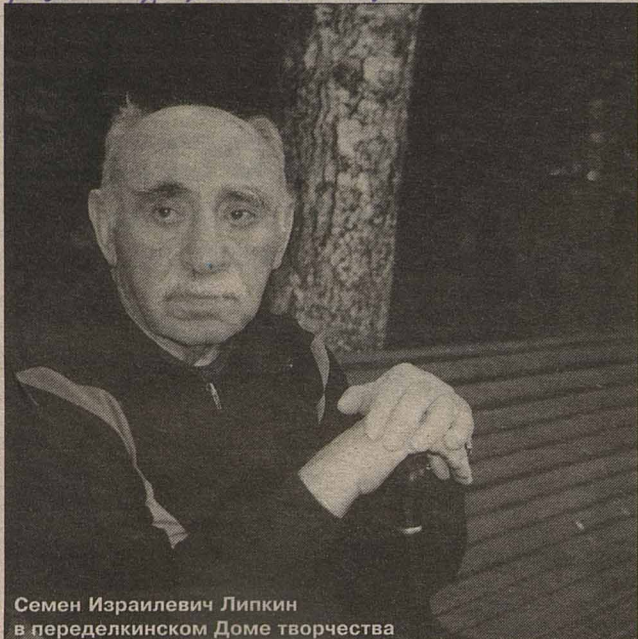

Новая газ. - 2003. - 7-9 апр. - с. 18

Семен Израилевич Липкин
в переделкинском Доме творчества

ЧЕЛОВЕК ПРЕОДОЛЕВШИЙ

Ушел Семен Липкин. Осталась победа судьбы над жизнью

Когда уходит тот, кто прожил век без малого (а сделал столько, что, кажется, и это — не срок), после первого, резкого приступа боли погружаешься в смятенные размышления. С одной стороны, что ж, 92-й год, возраст более чем смертный. С другой — помнится, мой друг Натан Эйдельман, не доживший, увы, до шестидесяти, сказал в день смерти своего отца: считается, что надо жалеть об уходе лишь молодых, но ведь старики уносят с собой гораздо, гораздо больше...

Мне, продружившему с Семеном Израилевичем Липкиным долгие десятилетия, сейчас более вняты слова Натана. Но говоря отстраненнее от личных переживаний, это не значит: говоря равнодушнее, пора понять, что русская культура не потеряла. Она — приобрела, и мы имеем возможность — и долг! — осмыслить сделанное Липкиным.

Не позволю себе впасть в пошлость, сказав, что он-де прожил счастливую жизнь. Даром что сам он рефреном одного из стихотворений сделал строку «Я один из немногих счастливых», назвав все или многое, чего избежал: «Я мог бы валяться в ложбине степной... Я мог бы сгореть за кирпичной стеной / В какой-нибудь миром забытой Треблинке...» И т.д. «Мог бы...». Хотя с лихвой хватило и сбывшихся испытаний.

Не говоря уж о том, что первую книгу стихов, изуродованную, он получил возможность издать в возрасте сильно за пятьдесят, — зато, по его словам, и из этого ухитрился извлечь счастье, став перелagateм, пересоздателем великой поэзии Востока, — не говоря о подобном, мало ли что еще было!

Во время войны тонул на Балтике, был в Сталинграде, выходил из окружения с калмыцкой кавалерией. В «мирное» — не для него — время хлебнул того, что выпало на его долю еврея и вдобавок пропагандиста «вредоносных, феодально-байских» азиатских народных эпосов. Начав наконец получать признание как оригинальный поэт, вдруг вышел из Союза писателей с женой Инной Лиснянской, протестуя про-

тив очередного произвола властей, и, фронтовик, инвалид, был вышвырнут не только из печатной словесности, но даже из писательской поликлиники. Опять — и т.д.

А итог? Кто он — в нашем сознании, коему не мешало бы стать благодарным?

Как сказано, переводчик, которому сыщется место в ряду, начатом Гнедичем и Жуковским, замкнутом Пастернаком, Лозинским, липкинскими друзьями Любимовым и Заболоцким. Замечательный автор прозы, «Декады» и «Записок жильца». Выдающийся (!) мемуарист. Но наипаче всего — большой русский поэт, «хлебопек», а не «ювелир», в согласии с иерархией, учрежденной его ближайшим другом Василием Гроссманом. (Вот, между прочим, и еще одна ипостась: роль спасителя гроссмановского романа, думалось, злоратно уничтоженного КГБ.)

«Человек преодолевающий» — назвал я свою статью в «Новой газете» по случаю 90-летия Липкина, заключивши ее вопросом: «Подождем, Семен Израилевич?». Имелось в виду: подождем с окончательным распределением лавров? Теперь уже нечего ждать. Есть итог — **победа преодоления**: «Тропкою концентрационной, / Где ночь бессонна, как тюрьма, / Трубой канализационной, / Среди помоев и дерьма... Я шел. И грозен и духовен / Впервые Бог открылся мне, / Пылая пламенем газовой / В неопалимой купине».

И, воспроизведя знаменитую фразу Адорно, что после Освенцима нельзя писать стихи, заключим: Липкин писал такие стихи, какие можно, нужно писать после всех Освенцимов. Не зря Бродский, считавший за честь быть составителем «тамиздатской» липкинской книги, сказал, что тот пишет «не на злобу дня, но — на ужас дня».

«Человек преодолевающий»... Что ж. Неотвратимо наступила пора совершенного, завершенного рода: «преодолевший». Преодоление завершилось. Осталась победа — **судьбы над жизнью**, если вспомнить название того же романа, спасенного Липкиным.

● Станислав
РАССАДИН